

Игорь ОЛЕН

Гибель Республики

Хроника в сценах
и документах

Игорь Олен

Гибель Республики. Хроника в сценах и документах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855769

ISBN 9785449604484

Аннотация

Рим первого века до н. э. Плебс борется с олигархами. Популяры, партия масс, сражаются с оптиматами, защищающими власть знати, землевладельцев и финансистов. Марий и Сулла были вождями двух группировок. Их столкновение привело к гражданским длительным войнам. После их смерти партию плебса возглавил Цезарь, партию знати — Гней Помпей Магн. Катон же спасал Республику. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
60-е до Р. Х.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гибель Республики Хроника в сценах и документах

Игорь Олен

*Никто не выше того, кто поднялся
и против Цезаря, и против Помпея.
Сенека*

© Игорь Олен, 2019

ISBN 978-5-4496-0448-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

К концу приходит всякое начало
и зачинает новое движенье, —
таков закон Гармонии всеобщей,
которая, нема и непостижна,
является в предметах мироздания,
как лад незримый в зримых струнах лиры.
Венец всего, что создано в пространстве,
побег, в себе таящий знание корня, —
к Ней род людской безудержно стремится.
Едва родившись, он тревожит струны,
на слух ища Праматери созвучья,
дабы по ним себя приуготовить,
оттиснутого в мягком воске плоти.

Потом, окрепшим пальцем извлекая
иные звуки, пьёт он диссонансы,
и плоть, извечно склонная к распаду,
в хаос ввергает дух небеснородный.
Ведь через разрушение много проще
вообразить себя богоподобным.
Как, мошкой доведённый до безумства,
табун порою кружится на месте,
из цикла судеб выбит поневоле,
так род людской в сипении и визге

нестройных струн творит коловращенье,
давя друг друга в гибельном дурмане.

Поэтому велю тебе – рождайся
из соплетений сети первозданной
планет, закономерностей и целей,
глашатай драгоценный праоснов!
Рождайся, одинокий, чуждый толпам,
неколебимый в переменах воин!
Рождайся, гордый мученик, служитель
того, что недоступно глазу века,
бродящего в теснине зла и мрака, —
да выйдешь к свету истинных светил!

60-е до Р. Х.

Из цезарева памфлета «Анти-Катон»

Рим обмер, когда вечный мрак разродился монстром, ставшим кумиром схожих чудовищ. И, если он был возждём их, нами разбитых в яростных сечах, значит, мы правы, ибо спасались от тирании, что превзошла бы все преступления древности и недавнего прошлого.

Да, о Сулле¹ речь, перепачкавшем Город кровью невинных! Именно Сулла первый наставник, также сердечный друг М. Катона. В дни, когда лучших [Цезарь ссылается на себя] преследовали убийцы, юный подросток Марк посещал дом Суллы и присягал ему в верности соучастием в казнях, дабы потом, как скот, пить священную древнеримскую кровь, струившуюся от плахи, а возвратясь к себе, вытирать меч о статуи наших римских богов.

Врождённые скудоумие и жестокая грубость бросили Марка Порция² в ученичество к мастеру всех известных пороков, так что в отрочестве он держал твёрже кубок, нежели книгу.

Мы виноваты, что озаглавили труд наш «Анти-Катон»: как варвар уступит римскому гражданину, так имя пред-

¹ Сулла Счастливый, Луций Корнелий (138 – 78), римский диктатор и полководец, лидер сулланцев – партии «оптиматов», то есть сенаторов.

² Катон принадлежал к знаменитому плебейскому роду Порциев.

ков, произведённое от исконного древнеримского «catus», то есть «смышлёный», не подобает гнусному выродку, обделённому доблестью и разумностью и известному скотской тупостью. Не Катон с добавлением **Утический** за подвиг, им совершённый-де в некой Утике, но Катон Бездарь-Пьяница-Остолоп – так следует звать унылый и безотрадный факт нашей эры, должный забыться.

Воин свободы? римлянин? человек, наконец, заколол себя в Утике, так что кой-кого полнят гордые речи? Нет отнюдь — гнусный враг человечества, для которого мертвенность, порождённая пьянством и подкреплённая бредом стоиков, была — жизнь. Когда он, упившийся, пронизал себя в Утике и свалился в блевотину, он, кадавр, тридцать лет наводивший страх, лишь пришёл в соответствие со своим содержанием. Разве что-нибудь дрогнуло в этом сгустке ничтожества, если мальчиком он не чувствовал ничего? Толкуют, что, пятилетнего, полководец племени марсов, некий Силон, просил его убедить дядю (Друза) дать статус римлян римским союзникам, и в кругу веселящихся детских лиц только он смотрел с злой угрюмостью, не качнувшись, даже когда марс вынес его за окна и стал держать там, чтоб напугать; он вис как труп, вис как мумия, безучастный к реальности. Эту каменность, равнодушие преподносят нам доблестью? – но тогда в равной степени столь же доблестны камни, спящие вдоль дорог, и сосны в галльских лесах, что срублены войском Цезаря в многолетних похо-

дах и столкновениях. Из врагов Рима нет, повторяем, более гнусного, чем бездельный сей идол с мутными взорами и пустыми речами, недруг всех новшеств, сдвигов к развитию, опротивевший вечным «не разрешаю», ишлявшийся в рваной выцветшей тоге, пьяный, босой, как голь, порицавший сограждан даже за радость. Мы бы не знали деспота хуже, жутче, лютее, были бы ввергнуты в дикость первых царей, клянусь, получи он шанс пестовать нравы адских Стигийских гиблых болот!

90-й год. Вечер. Душно. Сад Друза. В нём пятилетний Катон с наставником Сарпедоном, греком-философом. К ним доносятся гвалт, крик, споры.

– Вот, солнце село. Славный был день, дружок, только Форум шумит, как море. Ты отвлекался. Мы повторим урок; буквы лучшего языка, на котором писали и изъяснялись Памф, Гомер, Аристотель... Альфа и бета, далее гамма... Ну, продолжай!

Катон: – Дядя где? Он придёт домой?

Сарпедон, вздохнув:

– Неизвестно. Форум шумит немолчно; даже и здесь слышать. Друз, твой дядя, скажет законы, кои внушил ему Зевс-Юпитер к благу италиков. Коль народ утвердит их, эти законы, жизнь будет праведней.

Отдалённый рёв толп.

Катон:

– А какие законы дал ему Зевс?

Наставник:

– Нет, дружок. Лучше глянь: на дворец, вон там, за садовой стеной, к голубкам, к трём сизокрылкам, сели ещё пять. Сколько птиц?

– Я не знаю.

– Их, – ведёт Сарпедон, нахмурившись, – вдвое больше, чем тебе лет; вот сколько. Ты и считать слаб, а выясняешь цели законов, вред или пользу действий которых взрослый не ведаёт? Я пожалуюсь дяде. Я расскажу ему, что Катон на уроках вял и рассеян, часто мечтает, грезит о вздорном. Ох, непорядок! Агенобарб, глянь, жадный мальчишка, а уже делит, множит, считает, словно торгаш. Как можешь ты, правнук Цензора, каковому воздвигнуты Римом статуи, быть ленивым, беспечным, а? Что ты скажешь бюсту отца, чей дух скорбит в мраке области мёртвых?!

Мальчик, прервав:

– Не в «мраке»! Знай, он на небе!

Грек, с тяжким вздохом:

– Ладно, на небе... Ты, продолжатель имени Порциев, чем дополнишь их доблести? Сходим в атриум, к бюстам предков, где ты расскажешь, что недостоин их, коль не учишь уроков и, значит, хочешь быть варваром. А потом ты и дяде расскажешь о нерадивости.

– Нет, не надо! – мальчик отходит за миртовый куст, шепча: – Я всё думаю. Потому что мне алгебра не нужна, учи-

тель. Думаю, как отец ходит по небу и зачем он ушёл от нас. Если дождь, он всегда говорит со мной... там есть место в саду, беседуем... Он ушёл... мама тоже ушла. Выходит, все меня бросили... только дядя не бросил? Ты ему скажешь, он меня бросит, буду один... Не скажешь? – Мальчик, вернувшись, смотрит на грека. – Я ведь люблю его!.. И тебя люблю... Ну, а ты меня любишь?

– Да.

– Учитель! Мы будем вместе. Ты, я и он (гул толпы вблизи) ... Возвращается!! Его любят! любят, как я его! Провожают! Мы его встретим! Он мне расскажет про Ганнибала, про Цинциннату и про Камилла! Завтра сразимся с ним на мечях... Идём к нему! – Вдруг рванувшись, мальчик задерживается резко. – Правда, учитель, два получается, коль сложить единицы? Вот, беру ветку, сразу ломаю – две получаются. Как понять? – И, смеясь, он пускается вновь к воротам, подле каких в толпе, запрудившей двор, говорит речь крепкий мужчина:

– Знайте, квириды³: вы, проводив меня, подтвердили приверженность нынче принятым нами важным законам. В них воля плебса, воля народа! Мы учреждаем новый строй Рима! Слава италикам – равноправным, как римляне! Слава новым законам!

Крик из толпы: – Ты, изменник! Вождь италийских псов! Ты задумал убить нас, римлян, и заменить нас сбродом ита-

³ Самоназвание римлян.

ликов?!

Вопли, драка в толпе... и вновь клич:

– Друзу! Трибуну!! Освободителю!!!

Начинает суровый рослый италик:

– Римляне, я из племени марсов! Я – Помпедий Силон, их консул. Я благодарен вам и трибуну. Нынче вы дали вашим союзникам, вместе с вами сражавшимся за могущество Рима, римское право. Мы вам равны с сих пор! Вон в воротах Катон-малыш, прадед коего – Цензор, славный сын Рима. Знайте, вчера я держал его над землёй, грозя, что-де вырону, если он не попросит прав нам, италикам. Он не дрогнул, не пискнул; он удивил меня. Потому что он отпрыск вольного Рима – Рима, не знавшего над собою господства, кроме бессмертных вечных богов! Мы тоже впредь граждане древней Римской Республики, сонаследники её мощи, чести, свободы! Видите, пла́чу... Слава трибуну, Ливию Друзу!!!

Клич в толпе:

– Честь италикам, честь союзникам! Слава Ливию Друзу! Марка Катона нам! Покажите Катона, правнука Цензора!!

Ливий Друз, обернувшись:

– К нам, к нам, племянник!

Некто, скакнув из толп с воплем: «Это, отступник, дар от сената!!» – бьёт Друза в бок мечом, и тот падает... Толпы топчут убийцу... Взмелькивают кинжалы, потные озверелые лица... Мальчик кричит, как все, но не слышит себя и плачет.

Атилия, первая жена Катона, — сестре его Сервилии

Я, Атилия, дочь Серрана, милой Сервилии шлю привет из Лукании, где по милости М. Катона, строгого мужа. Что тебе, шлюха, честь рода Порциев?! Ты меня, вижу, учишь, будто ты пифия, как мне жить и что делать? Цыц, тварь золовка! Ты поучи-ка проблядь сестрёнку, что ходит голая, коль, по-твоему, финикийский газ прикрывает! Ну а как Цезарь, друг твой, вас спутает, благо обе Сервилии и привыкли услуживать? Не боишься? Нá, тварь, ещё держи из Катутлла: «Знает Сервилька лучшие рабыни, чем служить в бане или на ложе». [Смысл в сходстве имени и понятий «слуга», «прислуживать»]. Я стишки прочла на колонне близ Форума... Кстати, как Юний Брут, твой сын? Не испытывает ли чувств к Цезарю, кто, по слухам, отец его? Верь мне: Цезарь прославится, раз сейчас он любимец всех и уже римский претор. Пусть в завещании упомянет мальчонку, усыновит его как улюбодка.

Всё!!! Заруби на носу, простибула: ты к Катонам причастна тем всего, что мой муж есть твой брат, не больше. Смех, что в день памяти Цензора, когда римляне толпами посещают нас в знак почтения к прадеду, ты, раздувшись от спеси, шествуешь с нами. Грудь чтоб выставить, вот зачем! Чтоб явить себя всем! Советую: стань на Форуме, задери себе платье – псы вмиг сбегутся, дабы покрыть тебя.

Стерва!!! Будто не знаю, что по твоей доброте я тут, в этой сельской глуши! Ты с нравственным благородным лицом чернишь меня перед мужем, ну а сама, тварь, переспала, клянусь, с доброй третью сенаторов! Хочешь зваться подстилкою именитых родов? Ой, может быть, всё затем, змея, что со мною был Цезарь и ты ревнуешь? Вспомни свой возраст, хватит вертеть хвостом! Всё, оттрахалась!! Можешь братцу письмо вручить, если он твой наперсник.

Да! Я, Атилия, была с Цезарем! Я БЫЛА С ТВОИМ ЦЕЗАРЕМ! Пусть подаст на развод твой брат. Вы задрали меня безумием! Отдаёшься патрициям – чтоб героя родить? Камилла⁴? нового Мария? А твой брат, он напичкан словами, — их только видит. Жизни не видит; видит ИДЕИ, всех по ним судит. Я живу в страхе, что не укладываюсь в «тип жёщины». Пусть бы спал с Целомудрием и Невинностью, не держал бы их в мыслях, коль спит с Атилией. Не желаю быть символом, чтоб ему угодить, ишту! Не желаю причислиться к рангу честных матрон и жён для примера потомству!

Эй, Катон! Я, Атилия, – не абстракция из стоических бредней!

Монстр! Камень! Иней! Счастье Корнелии, от какой её Цезарь, — бывший любовник твой, дрянь Сервилия, и папашка М. Брута, вашего сына, то есть ублюдка! – вовсе не требовал сходств с утопией, а любил её, не расстался

⁴ Марк Фурий Камилл — полководец IV века до н. э.

с ней по велению Суллы и схоронил потом, против всяческих правил, будто царицу, так что все плакали. Ты, Катон, мне не только бы мрамора пожалел на гроб, но и фразы бы не сказал мне мёртвой, чтоб не нарушить «древний обычай», — кой, пень, единственно на твоём лбу писан!! Ты и живой мне, вклинься «идея» либо найди зуд «чести», ты и живой мне слова не скажешь! Ты так и сделал; выпер в провинцию, начинаешь развод со мной, — а не то разъяришься, что «честь поругана», и придушишь? Мне с тобой тошно из-за надутого, пресерьёзного вида, что принимаешь, коль не по-твоему, и затем, что с тобою все люди — как на смотрах. Каждый раб судит: Марк Катон честный, а вот «жена, тварь»... В Тартар! Мне не хватало, дабы рядили по твоим меркам!

Значит, Сервилька, сохнешь по статному и любезному Цезарю, франту Цезарю? таешь сердцем, видя его, да? Мне же быть верной буке-мужлану, что неразлучен с бегом и гирями, ибо он «закаляется»? тюхе, взявшей за правило появляться на Форуме босиком в старой выцветшей в тоге и без туники, «тога — знак римского гражданина», как он болтает? пьянице, вечно пьющей со скопищем риторов и бездомных философов? благодетелю, часть имения раздавшему, точно он без наследников? молчуну, пню бесстрастному?!

Всё, довольно, золовка! Кóзырь твой, что я первая-де катонова женищина и любимая, — мне как звук пустой. Ведь

не я здесь виной, а символ, коим я числюсь в мозге Катона, – символ Жены. Он слеп на жизнь; он ко всем нам относится, как велит философия или римский обычай. Было бы можно всех нас отёсывать, вроде брёвен, он натесал бы штабели Жён, Детей, Плебса, Консулов, Избирателей и так далее... А ещё подозрительна эта сухость и отстранённость у человека, что до меня, твердят, воспылал дикой страстью к юной Лепиде, чуть не отбил её у другого и, потерпев провал, стал судиться, дабы вернуть её предписанием, и тогда же обрушил на Цициона, друга Лепиды, вал эпиграмм.

Тоска любви извела Катутла, как он свидетельствует обличьем да и стихами. Марк Катон, здоровяк, отделался лишь сожжённой душой, сменив её на риторику. Только мне ни к чему юрод. Будь здорова!

Сервилия – Марку Катону

Благодарю тебя. Ибо с Кипра, – с Кипра, где был ты, брат, получая казну царя, – твой племянник, мой сын, Марк Брут возвратился иным: не душится парфюмерией и не ходит к гетерам, но вместо этого изучает философов, становясь из развилки модных поветрий – улицей со своим самобытным личностным именем. А ты знаешь: зовут его Брут. Да, БРУТ. Это имя в ходу у римлян. Он нынче слушает твои речи на Форуме и влюблён в тебя, хотя гордость препятствует проявлять пыл явно, так как не может быть не суров, он мнит, правнук Древнего Брута, царе-

убийцы-республиканца. [Несколько фраз зачёркнуты]. Сын мой просит в супруги дочь твою, Порцию. Чистота её – вот приданое. Не могу смотреть ей в глаза. Поймёшь меня, вспомнив блажь моей юности и связь с Цезарем... Но, во славу Юноны, всё, что от Цезаря, – всё волной в сыне смыто плаванием на Кипр с тобой!

**Цицерон – Аттику,
своему другу и постоянному корреспонденту**

Чудо случилось! Выйдя на Форум и повторяя, как мой смыслённый брат Квинт советовал, что я – нуль пока, так сказать, «*homo novus*»⁵, ищущий консульства, то бишь власти над Римом, я повстречал его, сонм великих достоинств, Римлянина Республики, непреклонно сурового, шедшего в тёмной тоге босым на службу в столь ранний, тихий час, что все спали, – а Цезарь, если не тискал новую пассию, был в плену сладких помыслов по причине оаций в честь него черни, ибо, на радость ей, вывел биться недавно сто гладиаторов с золотыми мечами, в шлемах из золота и т. д. Плебс прыгал, был исступлённо, видя, как мнутя, красятся кровью и пробиваются золотые доспехи, как их уносят, словно хламьё.

Представь теперь, что у этого плебса я тщуь быть консулом. Для чего? Отвечаю: лишь для того, мой друг, что,

⁵ «Новый человек» (лат.). Так называли в Др. Риме сделавших карьеру людей незнатных фамилий.

первейший учёный, или лицо, впитавшее абсолютное знание, я намерен слить с высшею должностью шанс для истины проявить себя в жизни, овеществиться.

Я изменю Рим! Мерзостям Рима был нанесён удар, когда, в эру сулланских зол, я напал на них в моей «Речи за Росция»! Где тогда были все эти крассы, руллы и цезари? Где, в каком углу крылись «стражи Республики»? И куда заведут их алчбы, если не заступит путь?

Всё, я решился. ТОГА, облёкшая светоч мудрости, ополчится, ради богов, клянусь, на кровавый МЕЧ тех, кто желает нам рабства.

Но — я один, один! Каждый час я могу быть мёртвым: Рим полон банд горлопанов, швали, отребья, что радо ткнуть врага в бок кинжалом. За кандидатами ходят-бродят подонки и прихлебатели, колотящие честных.

Хуже всех — Катилина, гнусный, бесстыдный пёс, образец душегубства, ставший примером кровосмесителя и безбожника для незрелых юнцов-патрициев. Где грабёж — там и он; где мерзости — там ножи его сброда. Он спустил нагробанное при Сулле и растранижил хапнутое им в Африке, где служил управителем, а когда консул Тулл отказал ему в праве выставиться на консульство, подготовил мятеж, и лишь случай не дал ему узурпировать власть. Так — в Риме. Кинь взгляд на Азию, где, как новый Кир, царствует Гней Помпей, добравшийся до Колхиды! Сменит он власть наместника над одной третью мира на обожание римских

улиц, кои готовы пасть ему в ноги? Плюс, при всей тупости, сей сулланский палач крепко держит удачу и, вне сомнения, только вступит в Италию, как она поднесёт ему плащ диктатора.

Нет, неправда! Разве не ясно, Цезарь вмешается, не позволит герою сделать ни шага? О, Цезарь — дама в облике мужа! пассия тороватых царей, одетая с самым модным изяществом и скребущая темя пальцем, не пятернёй, как мы! обходительная, приветливая! И как любит живущих в грязных зловонных дырах «сограждан»! как обаятельно подымает край тоги, встретивши лужу в бедном квартале, где сняла домик, дабы прельстить сброд! Чудо-постройками декорируя Город, с царственным видом Юлия Цезарь соизволяет заимодавцам делать ей займы, не поспешая с выплатой долга! В сих венценосных милых манерах практиковалась Юлия Цезарь в тесном, — в теснейшем, лучшем, — общении с Никомедом IV в царстве Вифинском в роли наложницы. Хороня свою тётку, — жёнушку Мария, околевшего изверга, — наша Юлия ляпнула, что-де род её матери от царей пошёл, а отцовский род — от Венеры.

Друг мой, подумай: что́ перед этим ворохом денег, рангов, достоинств, генеалогий древних фамилий — я, некий Туллий, отпрыск провинции? Что́ я, бедный философ, римскому плебсу, паdkому к хлебу, зрелищам, славе и родовитости? Брошен счастьем, я, может, завтра всем разонравлюсь, и не достанет средств и харизмы, дабы вернуть при-

язнь. Бедный Марк Цицерон, клад знаний и светоч мудрости, обойдённый, ненужный, — кем будешь поправ?

Знай, Катилина звал защищать его на суде, что начат ограбленной им провинцией. Обвинитель — Гортензий, старый и вялый. Мне ли не справиться с этим сладко манерным, пышноречивым чопорным франтом, вскормленным на помпезном азианизме, — а в благодарность пусть Катилина тайно содействует мне на выборах, повлияет на плебс. Как думаешь? Ведь ни крассовых банков, ни ратной славы Гнея Помпея у меня нет пока; а тот странный сенатор, коим я начал, необычаен, главное молод, дабы помочь мне. Слушай о нём.

Катон, Марк Порций, пра-правнук Цензора, нынче квестор⁶, философ. В детстве он видел смерть Друза Младшего, его дяди-трибуна, также Марсийскую, иль Союзническую войну (ту самую, на которой Италия поднялась на Рим), и неистовства Суллы. Мы были живы в ту пору тоже и подвергались риску не меньше, вот что ты скажешь. Правильно. Но держал тебя на руках, мой друг, Квинт Помпедий Силон, марс, консул италиков? говорил ли с тобой сам Друз? угрожал ли ты Сулле? О, сего гения Парки ставили в центр проблем с детства, он там сражался неколебимо. Мы же — шарахались. Я, немедленно после речи за Росция, где клял Суллу, отбыл в Афины; ты скрыл-

⁶ Чин, заведовавший гос. казной и архивом, ведший приходно-расходные книги Римской Республики.

ся в камерность частной жизни; Цезарь убрался в глушь, а Помпей трафил Сулле. Сопоставимы эти увёртки с честностью и действительной доблестью?.. Я уже обвинил себя, так поставив вопрос, заметь, будто доблесть бывает доблестью и не очень. В общем, Катона чуть не казнили: он рвался к Сулле, кто был диктатором, повелителем Рима, дабы убить его. Что, случайность? Вряд ли случайность. И не абсурдный детский порыв. Имелось, чему развиваться.

Помнишь восстание Спартака Фракийца? помнишь, он выскользнул из ловушки, слаженной Крассом? Тот разбранился в адрес невольников, не желавших стараться к крассовой славе, и лишь Катон-юнец, отличившийся мужеством в той безрадостной брани, смел возразить при всех, что Спартак не чудовище, но великий стратег, не менее. Ты представь себе Красса, коему поднесли под нос нечто вроде зеркала, где подмечалось, что он бездарен! Красс тихо буркнул: «Юноша, верно». Ну, а Катон ему: «Если храбрость есть искренность, ни Эней, ни Язон, ни ты сам не храбрей меня». После этой войны он не взял наград и прослыл чудачком, — а вспомни, как напрягался Красс, требуя за победу в битвах с рабами громкой овации!

Вот кто в этом году наш квестор, новый сенатор, твёрдость которого исключительна. Он обрушился на чиновных крыс казначейства, кравших в казне без удержу. Он, усилив проверки, вынудил плутов вспомнить о честности; казнокрадов изгнал под угрозой предать суду за хищения. Богачам

сократили выдачу займов, плебс кредитуют. Рим при Катоне помолодел, – точнее, увлечён к дням ранней Республики и как будто вдруг понял: нужно блюсти закон, чтоб царило довольство, а не разборки, крики и схватки простонародья и оптиматов. С той же отчётливостью Рим понял, что заскорузнул в подлости и безудержной жадности, и катонову твёрдость счёл тиранией. Факт тому: не имея законных прав, он вдруг вызвал всех, получивших от Суллы плату за казни и за доносы, и обязал вернуть деньги в казну немедленно. Закипая от ярости, палачи это делают и торопятся, дабы не было хуже, дабы не вздумали трогать прошлое.

Как сильна справедливость, корни таящая не в общественных нравах, а в трансцендентности; и Катон её видит. Я же не вижу. Все мои слабости и сомнения оттого, увы, что моим близоруким умственным окулам справедливость незрима. Но если выпадет различить её, как в моей смелой речи за Росция, сколь велик я тогда! сколь любят меня квинтиты!

82-й год. Рим, преданный разрушению. Сулла в кресле диктатора и в военных доспехах, на озарённом кострами Форуме, попирает диктаторским сапогом прах Мария. Над толпой – безголовые статуи. Объявляется список; названных тянут крючьями, отсекают им головы. Тащат родича Мария и велят позвать Цицерона, Помпея, Цезаря.

Сулла:

– Дай, Катилина, меч Цицерону. Он, шавка дохлого полусгнившего Мария, наострился болтать, смотрю, о «преступных убийствах»? Пусть он узнает, что есть убийство, чтоб не трепать зря. Пусть он возьмёт меч и, клянусь жизнью, бьёт свата Мария! Или срубят ему его голову заодно с языком. Оратор! Бей популяра, тоже эзопа! Он, с тобой вместе, тщательно слизывал с ляжек плебса дерьмище?! Хватит, довольно!! Вся власть – сенату, доблестным нобилям, оптиматам-патрициям! Чернь пусть жрёт свой хлеб и сидит в тёмных смрадных углах без звука. Ну, Горох!

Цицерон опускается от смертельного ужаса в лужу крови, трясётся, тихо рыдает.

Сулла, с усмешкой:

– Сделал что надо, трус! Добродетель забыл, трепач, а злодеяния не вынес. Будь таков!

Катилина под хохот толпы изгоняет оратора.

Сулла Цезарю:

– Ты зачислен в жрецы до возраста. Может, подкупом? Берегись, щенок... Принимайся! Ты ведь с Корнелией не развёлся, как я приказывал? Bravo, плут, доказавший лояльность роду Корнелиев, ибо я – твой диктатор Луций Корнелий – крайне доволен. Но я и Сулла, Сулла Счастливый! – Он продолжает, встав и нахмурившись: – Засвидетельствуй верность казню сей мрази, коя родня тебе! Заруби марианца! Ведь твоя тётка – вдовушка Мария, верно?.. Цезарь, смелее!

Тот отклоняет меч, мотивируя:

– Ты вождь Рима, но и радетель римских порядков; не оскверняй же древний обычай. Я – жрец Юпитера, мне не следует даже видеть меч.

– Изворотливый хлыщ! Пройдоха! – Сулла берёт прах Мария и бьёт Цезаря этим прахом в лицо. – Вот так тебе!! Получай, хлыщ, дядю!!

Цезарь стоит застыв, и на лбу его капли крупного пота.

Сулла идёт мыть руки к фонтану, а возвратившись, цедит с ухмылкой:

– Йо, Катилина, храбрый мой воин, ну-ка, убей его, Гая Цезаря.

– Ты пугнул его; будет, – гнёт Катилина, рослый и пасмурный. – Я на этом стою, о Сулла!

Чернь и солдаты хором зывают:

– Верно, Диктатор! Юноша истинно жрец Юпитера!

Сулла, с бешенством:

– Так запомните: в нём сто Мариев, и когда-нибудь вы заплатитесь... Прочь, юнец! С этих пор ты не жрец. Не дело, дабы мальчишка знался с богами... Прячься, спасайся! Завтра ты будешь, плут, вне закона, предупреждаю... О, глупый сброд вокруг! Вы не дали мне, Сулле, кончить с паршивцем, кой оболъёт мир кровью! Всем, кто убьёт его, начиная с рассвета, – вила в подарок.

Цезарь уходит.

Сулла вызывает с долей насмешки: – Эй, где Помпей-герой? Подойди, друг... Римляне, объявляю Помпея «Маг-

ном», то есть «Великим». Он возвратил мне Африку, заодно и Сицилию... Вот наш собственный Александр, блистающий блеском лавров... Празднуй триумф, Помпей, молодчина! Мы породнились, Марс войны и герой, объявленный императором! Так, герой, или нет?

Помпей, держа шлем в руке, подтверждает.

Толпы горланят, вздевают мечи:

– Честь Помпею! Честь Сулле! Йо, триумф!!

Сулла, хмыкая:

– По закону он не имеет прав на триумф, друзья, если не был назначен римским сенатом как полководец, – но он, на счастье, родственник, зять Счастливого Суллы! Сулла всё может... Ближе, Эмилия.

От матрон отделяется женщина с животом, подходит.

– Гней Помпей Магн – твой муж впредь. Брось мужа прежнего, плод которого носишь, вижу, во чреве. Ваш брак расторгнут волею Суллы.

– Эту куда, зять?! – рвётся к Помпею женщина, волокащая следом дочь. – Ты муж её! Кто вернёт ей отца, убитого потому, что он был твоим тестем, но не сулланцем?.. Ой, что творится?! Бросил супругу? Будь справедлив, Помпей! Сулла, смилуйся! Ведь Помпей был женат!

Помпей, кривясь и шагнув быстро к пленному, отсекает мечом ему кисть.

– Ответ мой, Сулла.

Снова сев в кресло, тот восклицает:

– Магн⁷, неречистый, бравый и царственный! Отсеки и другую кисть – вбить ему куда следует!

Возникает юнец с мечом; он стремится к Диктатору. Его держат за край детской тоги и не пускают: «Стой же! Куда, малец?!»

Сулла, это заметив:

– Ты, Катон?.. А! спешишь мне на помощь? Мальчик, ты юн ещё и не место тебе меж взрослых... Эй, Сарпедон, грек! Плохо лелеешь отпрыска знаменитого рода, сына покойного друга Суллы! Как он попал сюда? Уводи его и учи с сих пор лучше римским отеческим добрым нравам! В праздник яви его для приветствия, дабы он привыкал ко мне, сей бутон благородных доблестных качеств. Будет срок, возведу его в консулы.

Сарпедон обнимает подростка и отступает, кланяясь:

– О, Диктатор!.. Я понял, царь!.. Золотые слова, царь!

Сулла:

– Ликуй, Рим! Слава свободе! Освобождаю всех рабов Мария и рабов популяров, – тех, кто был с Марием. Десять тысяч рабов – на волю! А ветеранам я дам участки. Все помогите мне. Ибо я ввёл проскрипции. Убивайте врагов моих! Приносите их головы! Стройся в очередь, оформляй права на богатства жертв, получай их в дар!.. Завтра Сулла пирует. Жду всех вас завтра... Я вас покину. Мне нужно выбросить пепел Мария в Городскую Клоаку! – Он, сжав концы чёрной

⁷ То есть «Великий» (лат.).

ткани с собранным прахом, живо взбирается на коня и скачет, красный плащ реет; следом – охрана. Толпы вопят:

– Диктатор!! Сулла Счастливей! Слава Диктатору!!!

У столов с казначеями вьётся очередь с головами в руках, в мешках и в корзинах.

– Честь благодетелю, повелителю Рима! Вечный Диктатор!!

Двадцать лет позже... Ночь в Риме с заревом от бесчисленных факелов, что стекаются к Форуму. Ветераны, в браслетах из бронзовой и серебряной проволоки, мерно движутся строем с копьями и с флажками, с бляхами, прикреплёнными к панцирям, воздымая на палках образы Марии. Из проулков сулланцы злобно грозятся.

Цезарь вызывает, став на ступени древнего храма:

– Я не свершил бы то, что задумал, кабы не ведал: этого жаждут, может, не все – но честные, благородные люди этого жаждут. Сколько позорить лучшего мужа, кой породён был римским народом, нашей Республикой, вопрошаю вас? Где свидетельства памяти покорителя кимвров, марсов и Африки? Почему видим статуи злых диктаторов, знаменитых надменностью консулов и дурных полководцев с лестью их шатким, недостоверным, спорным заслугам? Только нигде, клянусь, не увидим почтения к другу плебса, непобедимому триумфатору, семикратному консулу, Гаю Марию! Даже прах его... – Цезарь плачет: – О, даже прах его из-

влечён из гроба, подло развеян и осквернён, – его, благодетеля и спасителя Рима, многожды консула, – сей священный прах!! А вот прах узурпаторов и их гнусных клеветов – в царских гробницах, будто бы честь, справедливость, верность мы позабыли. Что же, сограждане, может, вправду гнушаться Марием – и взамен славить Суллу, и подражать притом Хрисогону, присному Суллы, хаму, нажившемуся на казнях и на доносах? Вправду гнушаться доблестным Марием и мечтой его видеть римлян свободных от рабства знатым?!

Выкрик:

– Прочь, Цезарь! Ты хочешь смуты!!

– Нет. Я хочу перемен, клянусь! А вот кое-кто хочет, чтоб мир застыл навек, чтоб всё было по-прежнему, чтоб убийцы бахвалились, насмехаясь над честными, чтоб сенат и сулланцы торжествовали и угнетали плебс. Но стремление к правде – в римском начале, вот зачем Рим судья над народами. Победим ли зло в мире, не одолев зло в Риме? Хватит, довольно! Мы натерпелись от оптиматов, якобы лучших, *honestiores*! Марк Катон понуждал возвращать ими отнятое просьбой – мы их обяжем строгим законом. Пусть устрашались, пусть убоются взломщики наших честных имён, достоинства и имуществ! Мы восстановим знаки величия Гая Мария – значит, мы восстановим и справедливость. Хищным не быть впредь в консулах, неимущим не пухнуть с голоду, ветеранам войн Мария будут зёмли в Италии! Власть народ-

ным собраниям! Поторопимся действовать! Возродим славу Мария! Бюсты Суллы пусть остаются на постаментах, мы их не тронем, нет! Пусть их свалит досада от лицемерия воскрешённых прав плебса! На Капитолий!

Цезарь идёт вперёд. Нападают сулланцы, взблёскивают мечи... Шум драки, коловращение... марианцы сражаются... и сулланцы бегут прочь. Форум ликует:

– Смерть им! Долой сенат!! Власть народным собраниям! Хлеба, зрелищ!! Статуи Марию! Слава, Цезарь! На Капитолий!!!

Группа сенаторов меж собою:

– Главное, где и как он возьмёт богатства, кои сулит им? Войнами? Прав Катулл, говорящий о Цезаре, что давно он разносит Рим не подкопом, но камнемётами!

На холме Капитолий поднятый плебсом бронзовый Марий смотрит на Суллу – тоже из бронзы, пачканной калом.

Цицерон – брату Квинту

Только глупца успокоит вид Рима, днём благонравного, ночью подлого. Раб, что в полдень целует край твоей тоги, в полночь грозит тебе. Ночь рождает чудовище, Квинт, чудовище! Оно явит под солнцем лик свой внезапно. Верь, ждать недолго. Пусть сенат, укреплённый при Сулле, с виду незыблем, но с его древних стен валом сыплются камни от рёва люмпенов, в возжаках коих умный и обаятельный, как Вакх, Цезарь. Цезарь растёт – а Лукулл ест на золо-

те, что доставил с Востока. Цезарь возносится – а Помпей дремлет в Сирии среди льстецов и угодников. А в сенате лишь чванные бестолковые нобили.

Марк Катон — вот надежда. Но он так молод! Красс ни за что не изменит собственной ростовщической пользе, он в плену денег. Как прилипало, виснет Красс на кумирах толп через подкуп, чтоб стать влиятельным. Катилина наглет, шляется с бандами и стращает сограждан, требуя избрать его на выборах. Говорю тебе: пусть чернь любит мои вдохновенные и отважные речи, — но что́ любовь сия против крассовых денег, зла Катилины, спеси сената и тороватости душки-Цезаря? За кого мне держаться – не понимаю. Очень стараюсь нравиться всем. Всем-всем! Проскочить бы мне в консулы, ну, а там образуется...

Не пропасть бы мне только, брат мой, до времени, вот о чём я молю! Как думаешь?

В помещении, вокруг вертела с человечиною, заговорщики из патрициев воздымают мечи свои, из каких треть дрожит и клонится.

Катилина, могучий и седовласый:

– С вами делил я всё, что имел: хлеб, деньги, честь и любовниц. Вместе растратили мы в пирах имущества. Этот дом, где мы с вами, дважды заложен. Нет у нас ничего, друзья, ведь мы вместе хотели того, что каждый, – вот пример нашей верной искренней дружбы. Храбрые, сильные –

мы без крова и пищи, отпрыски древних кланов патрициев. Власть и золото захватило потомство жалких кастратов. Наш удел – неудачи на выборах, приговоры в судах, униженность, нищета, бесправие. Но изменим рок! Да не будет впредь немочь роскошествовать в хороминах, переполненных благами, и рождать детей от прекраснейших женщин – наша же воля с нашей отвагой чахнуть в неизвестности! Всё захватит бесстрашие, наша ярая кровь, клянусь! Завоеюем всё в битвах, как подобает храбрым патрициям! Я вверяюсь вам. Я ваш вождь. Торопитесь за мною, точно за богом! Помните, что одно моё имя ввергнет Рим в ужас. Я осквернил жриц Весты, я убил брата. Да и при Сулле меч мой и длани были в работе; я предал казни сто марианцев. Я муж божественный... Смерть изменнику! – Катилина кивает в сторону вертела. – Он исчезнет в утробах бывших товарищей... Начинайте! Кто поколеблется, будет тоже изжарен, и мы съедим его!

Заговорщики спешно жрут человечину.

К храму шествуют толпы, консулы, знать, сенаторы и священство с овцами для гаданий.

Тень в переулке:

– В общем, руби их, как только Цезарь малость приспустит тогу с плеча...

Вторая тень:

– Консулов?.. Не могу... Не буду... Это ужасно! Я ухо-

жу, всё...

Третья тень, прыгнув и удушая вторую тень:

– На́, трус, изменник... Будем отважны! Рим будет наш!

Четвёртая тень:

– Вижу!.. Вон Катилина! Он подле стражников... Он убьёт их?

Тень, с хриплым смехом:

– Незачем! Стража свалится трупам, увидав сего изверга и безжалостный меч... Что Цезарь? Что он так медлит?.. Он даст нам знак... Уходят, чёрт!.. Где знак Цезаря?! Он слюкавил опять, хлюст?! Это измена... Боги! Проклятье... Цезарь!!

Тень третья:

– Да, всё пропало! Глянь, Катилина исчез... Измена!!

Тени:

– Проклятая участь!

И разбегаются.

Обнажённая Клодия на пиру в своём доме вскакивает и становится подле статуй Дианы и Афродиты. Гости на ложах приподымаются. Музыканты в углу прекращают песнь.

– Хватит! – просит Катулл.

– Молчи, поэт. Что меня опекать? Я пьяная! Я надену венки и уйду в спальню с тем, кто скажет, что́ делает Клодию краше статуй из мрамора и зачем я желанней пары богинь.

Саллюстий, юный историк, цезарианец:

– Я, я скажу, позволь!!

Прерывает Гортензий, тучный, манерный и молодящийся знаменитый оратор:

– Видевшим многое, пылкий юноша, и судившим мир с высей власти больше пристали речи о дивном. Плюс я оратор, Риму известный... Блеск твой, о Клавдия⁸, – разреши называть тебя «Клавдия», о, дочь древнего рода! – проистекает из ста источников. Например, план богов и усердство родителей, превосходство исконного римского склада, также влияние просвещённости. Я не кончу тем, что в тебе слились формы лучших жён древности, ибо то, в чём Елена Троянская превосходит Диану, ты обладаешь. Если коснуться качеств любовных, скрытых от взора, – ибо и в схожих даже источниках воды слаще в одном из них, – то тебя наделяет сим с щедростью всеблагая Венера, что невозможно молвить о статуях, изготовленных скульптором, будь он сам Пракситель. Прекрасного не сыскать ни в ком, кроме Клавдии, обладающей шармом целой вселенной!

Красс, богач, полководец:

– Bravo, Гортензий! Жаль, не на Форуме выступаешь ты, а вокруг не проклятый плебс. Это был бы твой лучший спич, кой сразил бы любого, хоть Цицерона... Мой черёд? У меня есть индийские драгоценные бусы, стоимость триста тысяч денариев. Подарить это камню? Глупо, нет смысла.

⁸ «Клодия» просторечное «Клавдия». Клавдии – род сабинско-римских патрициев (с V века до н. э).

Клодия, щурясь:

– Я поняла тебя, Красс, повергнувший Спартака. Запомню. Но я не девка.

Юный Саллюстий:

– Ради Юпитера! Юность страждет, сытая старость над ней смеётся... Что ж ты, Катулл наш, где твои ямбы? Пой о прекрасной патрицианке!

Тот, не ответив, тянется к чаше и отпивает.

С ложа, встав, направляется к Клодии Марк Марцелл, статный гордый сенатор лет сорока:

– Что сказано здесь — неправда, пусть бы сказал сие сам Катон Марк Порций, наичестнейший из римских граждан. – Гость продолжает дальше по-гречески: – Знают двух Афродит: Небесную, дочь Урана без матери, и Земную как младшую, дочь Дионы и Зевса. Пусть эти статуи, что блистают нам мрамором в ярком свете светильников из зелёного золота, не изваяны Фидием, но хватило гармонии, чтоб, взирая, испытывать вдохновение и священный порыв. Я, поднятый веяньем светлых чистых идей, оглядываюсь и – боги! – только что в грёзах видел прекрасное, а сейчас моё зрение на двух новых крылах возносится к малолюдной обители вечных женских богинь, где – ты, наша Клодия, сочетававшая часть духовную Афродиты Небесной с частью телесною Афродиты Земной!

Брат Клодии, Клодий Пульхр, или Клодий Красавчик, переписавший себя в плебеи из рода Клавдиев, из патрициев,

чтобы стать народным трибуном, мерно болтает в чаше вино, язвя:

– Обобщу, Марцелл: наш Катон столь зануден, так как он в собственное катонство впряг идеальное по занудности родовое катонство прадеда Цензора? – Клодий пьёт вино. – У тебя, сестра, есть чем их всех принять, твердят, а у статуи нету! – Клодий хохочет.

Злясь, Катулл двигает вазу с фруктами, маясь ревностью.

Входит в белой, изящнейшей, с золотым шитьём, тоге Цезарь и говорит для всех, глядя только на Клодию: – Сожалею, простите. Я опоздал, друзья. Предпочту повиниться.

Клодия:

– Докажи, что я лучше мраморных статуй.

Цезарь проходит и опрокидывает Диану. Пол усыпают сотни осколков.

– Был ли я весок?

Клодия, томно:

– Да... Проводи меня... Посоветуй, что мне надеть, Гай Цезарь, ибо желаю принарядиться.

Оба скрываются, и Катулл кричит:

– Эй, чудовище! Люди славят Венеру лучшей из лучших? Я назову её милой, станом прямой, красивой. Ей по частям хвала. Не признаю лишь лучшей. Ибо разящих нет в ней достоинств. В теле богини нет искр любви живой, ни единой... Клодия, слушай! Ты много лучше. Ты обездолила женщин Рима! Прелесть и чары только в тебе одной! – Он кидается

к выходу.

Подле Тибра в трущобах жмётся таверна, полная нищих, жуликов, ветеранов войн Суллы и гладиаторов. Слышен стук винных кружек, треск от жаровен. Тусклый светильник чадно коптит в свод с чирканным женским туловом, а под ним сквернословие.

Рваноротый потрепанный воин:

– Мне угодила стрела в пасть, чтоб я стал нищим?! Риму плевать, смотрю, кто ему добывает власть и сокровища! Лишь Диктатор нас понимал, клянусь, и уж мы за него и тогда рубились, да и сейчас пойдём. Сколько нас из ста тысяч, коим он землю дал, разорились? А, братцы, все почти! Лихоимцы из всадников, толстосумы-сенаторы, также сучьи италики нас обжулили, после Суллы-то, зёмли отняли у геройских солдат! Мы нищи, ни конуры, ни жрачки... Будем терпеть, да? Мало нас, что ли?!

Вольноотпущенник Суллы:

– Знайте, и мы за вас, десять тысяч рабов, отпущенных волей Суллы Счастливого... К чёрту трёп, друзья! Пьём вино – и в Этрурию! Катилину в вожди! В Этрурии его армия из сулланцев скоро пойдёт на Рим, чтоб вернуть дни Диктатора!!

Пьянь стремительно выбегает на улицы. Но на Форуме их встречает сброд марианцев, тоже с оружием. Банды бегают друг за другом, бьются, дерутся с дикими воплями...

Днём по Форуму, в храм Согласия, где собрался сенат и консулы, направляется квестор. Он в тёмной тоге и большелобый, с явственным римским носом, с книгой в руке (со свитком). Около статуи в честь его предка Цензора люд кричит ему:

– Слава правнуку Цензора! Что молчишь, Катон, не исправишь Рим? От других мы бы ждали воинских подвигов; а тебя зовём в проповедники благ бессмертных богов. Суди нас за нравы и исправляй нас... Что ты молчишь, Катон? Нас тревожит молчание внука Цензора.

Он вздыхает:

– Лишь бы не жизнь моя вас тревожила, римляне.

Митилена. Помпей сидит на подобии трона около храма, в царском наряде Ал. Македонского. Рядом с ним офицеры, члены сената, греческая, иная знать. На ступенях, пониже, в ярких хитонах, в ярких венках, ораторы и поэты. Ниже на площади под штандартами – легионы солдат и греки, шумные толпы местного люда.

Первый оратор:

– Зевс Величайший! Вся чреда вековых богов от Хроноса! Славьте нового Александра! бога, заступника, благодетеля эллинов, полководца Помпея!

Первый поэт, чуть громче:

– Лиры и музы! Пойте Помпея, сына Афины, брата Ареса,

в мудрости духа нам даровавшего свет свободы! Днесь мы счастливей прочих из смертных. И да восславим этого мужа!

Новый оратор:

– Видим властителя! венценосца вселенной! Он повелитель моря и суши: Африки! Сирии и Пальмиры! Месопотамии! Иудеи! Колхиды! Понта! Вифинии и Великой Армении! Киликии и Фригии! Каппадокии! Крита! Родоса и Албании! Карфагена! Эллады! Моря Тирренского и Ливийского! Царь царей, сын богов, Зевс-Юпитер!!

Римский сенатор другу вполголоса: «То, что Сулла Счастливый добыл старанием, этот взял странным случаем и симпатией черни. Ступит в Италию – всё падёт ему в ноги. Чем, интересно, он наградит войска? Ведь страна без того полна сбродом Суллы и Мария. Жди гражданской войны. Вчера нагрузил флот золотом и послал его с Непотом, кой к его возвращению подготовит ему коль не царский венец, то консульство». – «О, я с этим же флотом тайно отправил восточку близким, пусть собираются, уезжают в провинцию, а не ждут резни да помпеевых ужасов... Глянь, сидит и выслушивает лесть греков... Вот честолюбие! Он считает, мир должен пасть ему в ноги за импозантность и за успехи, что жнут другие? Ибо здесь, в Азии, он лишь кончил дело Лукулла, все это знают... Глянь, как стирает слезинки с добропорядочной римской рожи, слушая льстивых греческих плутов! Он сын Фортуны. Был бы жив Сулла – приревновал бы к счастью Помпея...»

Новый поэт, сурово:

– Так, прошагавши к Красному морю, свёл он вселенной круг необъятный, им проведённый от Атлантиды и пронесённый в Парфии знойной вплоть до гирканских далей пустынных! Славься, защитник царств и народов, мощный Помпей, Магн, отпрыск Кронида!

Длится орация; победители награждаются. С золотой диадемой в пышных волнистых рыжих власах своих, подымается сам Помпей.

– Я глава трети мира. В будущем доберусь до Индии, получу триумф третий, пятый, десятый... Вы же, поэты, поберегите пыл для грядущих од. Я, Помпей, называюсь «Великий». Не подведу вас, не обману надежд.

Цезарю – от Катилины

Хлыщ! Я прощу тебе трусость, две – не прощу, учти! Ты отправишься с Крассом в Тартар!! Я, Катилина, должен быть избран.

Народный трибун Рулл – Г. Цезарю

Ловко! Ловко и подло! Я или ты составлял план? Гай, отвечай мне! Я или ты льстил черни, ей обещая землю и счастье? Я или ты лез в члены совета по наделянию сей землёй нищих, чтобы добраться этак до власти? Я горлопаню, я напрягаюсь, чтобы план приняли; меня гонит сенат, азартно поносят прихвостни, вроде пса Цицерона, — ты же всем

лжѣшь, Гай, что непричастен? Или ты, вникнув в тот очевидный факт, что отребью спокойней жрать и пить в Риме, чей волочить в полях плуг, притихнул, чтобы всем нравиться? Демагог, развратят тебя шашни с плебсом! Я, друг любезный, не позабуду, как ты швырнул меня в жертву и римским нобилям, и толпе.

Помпей – Цезарю через Нѣпота

Посылаю в подарок ящик сокровищ в память содействия моему назначению. Я не буду в Рим к выборам, но мне нужно, чтоб консулы поддержали труды мои на Востоке, также солдатам дали чтоб землю. Сверх того, я пополнил казну безмерно золотом и аргентумом; не отдай её недругам.

Говорят: Рим царство бандитов, грабящих граждан? Кто обуздает их к моему возвращению? Пусть бы был Цицерон Марк, очень удобный мне и сенату. Красс согласится. Я у народа в полном доверии; многократно вверяли мне чрезвычайную власть. Пусть Нѣпот, легат мой, станет трибуном, чтоб провести закон о моих полномочиях для борьбы с Катилиной. Это разумно. Я защищал народ вне Италии и тем более защищу в Италии.

Друг, в Этрурии, подле Фѣзул и Велха, рать Катилины вскоре составитя, чтоб пойти на Рим взять его, вот как некогда сделал Сулла. Это опасно, очень чревато. Что не назначить Магна диктатором, если дело так плохо? [Перечитав письмо, Цезарь долго сидел, раздумывал].

Цезарь – Сервилии, сестре Катона

Я не приду. Измучен в кануны выборов. Да и я буду мил тебе как верховный понтифик – главный жрец римлян. Верю, что внутренности животных и знаки неба ясно предскажут любовь, любовь...

Как твой брат, покоривший Рим квесторством⁹, доказавший, что честность может пополнить казну в той мере, в кой её полнят сборы и войны? Ибо пол-Рима сопровождало Марка Катона после отставки. Все мы преследуем присных Суллы судом – он попросту вызывает их в казначейство и, сообразно лишь справедливости, заставляет платить за зло, причинённое жертвам. В честности он – учитель мой, хоть я старше... Он молчалив. В чем дело? Правда ли, что он пьёт всю ночь напролёт? И правда ли, что и нынче, в дни потрясений, он рассуждает с Афинодором, сидя на ложе с чашей вина в руке, а на Форуме и в сенате он только телом, духом же – в грёзах разума? С кем, скажи, он встречается? Как сдружиться с ним?

О, прекрасная! За окном ходит пара голубок... и я вдруг понял, что прибегу к тебе. На закате дам ужин грязному плебсу. Ночь — будет нашей.

Цезарь – жене Помпея

⁹ Квестор — чин, помогавший консулам Древнего Рима вести приходно-расходные книги и контролировать состояние казны.

Муцилла! Хлопотунья! Раб ходит с письмами от прекрасной? Это излишне! Муж твой закончил войны в Армении – ты же, нежная, покоряешь того, кто давно покорён? Пустился бы через Город пламенным юношей, чтоб прижать тебя к сердцу и ворковать любовь. Но предвыборный хаос, дразги не отпускают, и кредиторы не отпускают. Хоть бы один мул с ношей помпеевых азиатских сумм протрусил мимо римской казны ко мне! Сиил бы Муцилле дорогие одежды, мигом купил бы ей диадему и полетел бы птицей к прекрасной! Твой Помпей бьётся в Месопотамии – мы бы начали два сладчайших сражения на разубранном ложе, пьяные страстью... Занят, сказал я? Глупости!! Я приду, прилечу, исцелю тебя всю, всю! Твой Леандр. [Текст, попавший к Помпею, стал поводом расставания с Муцией].

Цезарь – Клодию Пульхру, по-гречески

Милый мой Агатон! Не жалуясь, не корю за упрёки, но открываю все мои раны под твои стрелы. Вытерплю, ибо стрелы не мечут от равнодушия, но единственно от любви. Сказал Катулл: «Ненавидя люблю». Поэтому принимаю всю твою ненависть. Верю: мать её есть любовь.

Не льстись, что разишь бесстрастие. Чем спокойней я внешне, тем нервней внутренне. Или думаешь, умирающий от любви недвижим от пустоты в нём? Думаешь, поражённый в грудь может буйствовать, как ужасенный пчёлами? В воле неба, – не человека, – вычерпать страсть к тебе.

Но придётся годами, вечно вычерпывать, ибо море имею! Если Катулл-поэт из сестры твоей Клодии извлекает безмерность дивной поэзии, то, спрошу, я ли меньше Катулла? ты ли, судьба моя, меньше Клодии? Оба дети, – эта позирует, тот рисует портрет её, – превзойдут ли нас, если я возведу в свой час храм любви к тебе? В том расчёт Провидения, что мы оба мужи и рожать нам дела, державы, войны, законы, а не детей, как жёничины, – тех детей, чьи сердца нам чужды. Станет врач укорять себя, что учился у мастера? И Платон не ценил бы тех, кто пришёл к нему от других светил и титанов? Или ваянию, как и мысли, нужно учиться, чтоб прогрессировать, а любви ты отказываешь в школе, пусть этой дивной высшей науке менторы во сто крат нужней? Что с того, что я в детстве нежил ровесников, сообразно потребности в нас любить, – затем, как судачит плебс, был «царицей вифинской» при Никоমেде? Это всего лишь путь к Агатону! Как брать прекрасное, нас манящее, коль не через любовь как полное восприятие, – а не как Катон, берегущийся кинуть взор на страсть, затыкающий на её зов уши, точно скопец.

Отринь же меч и очисти от туч храм души! Зажги зарю упований!

Слушай, что делать, чтоб воплотить наш план. Разведи меня с жёнушкой. Разведи и Помпея. Я предложу ему в жёны Юлию. Если выгорит, мы примкнём к мировому потоку сущностных связей, дабы нас вынесло на неведомый, тем не ме-

нее лучший брег. Нам пора туда: долг мой – сто миллионов.

И береги себя, беспорядки на улицах часты; зверь Катилина (я обманул его) ищет шанс расквитаться. Пусть рядом будут телохранители.

Клавдий, Клавдий... Я повторяю сладкое имя, кое дано тебе от сабинских родителей и которое ты сменил на «Клодий» ради влюблённой Юлии Ц.

Катон держит путь в Луканию, чтобы жить там. Люд провожает, плача:

– Что ты уходишь? Ты оставляешь Рим злу!

Катон:

– Я отстаивал честность, вам ближе подлость.

– О, Катон! Мы – народ, что из тьмы, от Шумера и Греции, через доблести Рима шествует к свету, как врождено ему. Волей неба, ты наш маяк, мы ведаем. Но ты прячешь себя, уходишь. Глянь на нас и прости нас! Будь, будь народным трибуном нам во спасение!

В Рим навстречу Катону шествуют мулы с золотом и дарами из Понта и Иудеи, Сирии и Колхиды.

– Нёпот везет корм злу. Будут злу швырять пищу, наш Рим погибнет! – плачутся толпы. – О, Катон!

Тот вздыхает.

– Я струсил. Я бежал смерти... Римляне, близок час говорить мне то, что я знаю... Боги предвечные, дайте силы поверить, что, как бы ни было, прав лишь я, Катон, пусть

вселенная против. И да пребуду твёрд, защищая неложное... Рим, иду на казнь!

Цицерон – другу Аттику

Наконец-то я консул! Полная и блистательная победа!

Я был суров. На Форуме, полном банд Катилины и агрессивного, оголтелого быдла, склонного к Цезарю, я восстал на каналий ради свободы, чести и правды. Лучшие граждане поддержали овацией! Я поймал Рулла на слове и сразил его вместе с каверзным планом о наделении нищих землями. «Боже, римляне! – я повёл. – Наш Рулл сказал, хочет „вычерпать“ вас из Рима; вас, дескать, „много“. Так сказал, будто вы – помойка, а не хозяева, не властители мира! Рулла не слушайте, но держитесь щедрот, законов, прав избирать, быть избранным. Да, держитесь за Форум и за великий доблестный Город, также за зрелища, за кормления, за достоинство жизни в щедром к вам Риме! Разве вам лучше, бросив святые стены Республики, поселиться, как хочет Рулл, в Синоптинской пустыне либо близ пагубных Салапинских болот!» — закончил я, обрушая мощь слова на Катилину и его присных, ибо продолжил речь: «Римским гражданам страшно, так как им в окна, явно готовясь, ночью швыряют паклю и ветошь и обливают двери смолою, чтоб в некий час сжечь заживо. Беззаконная ночь, друзья, растянулась на веки, став ожиданием крови, смерти, пожаров. Истинно, нет в Италии мота, вора, кутилы, прелюбодея, татя, убий-

цы и отравителя, коих ты, Катилина, не приманил бы подлыми сквернами, не опутал интригами и каким бы не отдал лучших из граждан на поношение! Стало быть, ты дошёл до того уже, кандидатишка в консулы, что бахвалишься, как снесёшь Риму голову, дескать, хилую, чтоб приставить свою, мятежную?!»

Так сказал я им, и у них недостало сил помешать.

Народ мой, весь как один, клянусь, от бродяг до сенаторов, возгласил меня консулом, ведь я предан закону, благу и доблестям! Моим консульством станет первенство разума, справедливости, честности!

Гней Помпей шлёт мне статую Фидия... Как, скажи, удастся художнику разглядеть в камне форму? Что за таинственным, странным нормам он подчиняется, управляя резцом своим? Режет так, а не этак, слушая сердце, но не советчиков, и становится прав! Подобно я удивлялся Марку Катону и его квесторству, поражаясь отваге, с коей он действовал, высекая из зла Законность. Помню, в последний день, провожаемый толпами, он с дороги вернулся вновь в казначейство: некто спешил ссудить двух приятелей накануне отставки, — он возвратился и отменил заём. Гениальный ход фехтовальщика, заключительный штрих художника, завершение слова делом! Он воин Честности, а теперь и трибун квиристов... Кстати, добейся он высшей власти, то, с его твёрдостью в продвижении к благу, с неумолимостью, — ты уверен тогда за себя, за каждого, что и нас

не признают подлыми?

На рассвете близ серого Цицеронова дома три мрачных тени спорят с привратником.

– Мы народ! Раб, иди зови консула! Он нам нужен, нужен народу!

– Он велел не будить его.

– Не будить?! Зазнайка!! Ради Квирина, мигом проснётся! Смерть всяким консулам и начальникам! За свободу, свободу!! – Тени закалывают привратника и идут во двор, где на них налетает дюжина стражников.

Тени:

– Мы опоздали... Йо! К Катилине! Живо в Этрурию, где стоит его армия! Мы вернёмся; дрожи, Рим!!

Тени бегут к коням и несутся из Города, ускользают в трущобы грязных окраин.

Декабрь, 63-й год. Подле храма Согласия в конце Форума у холма Капитолий стража теснит чернь и горлопанов. В храмовом зале, перед скамьями, там, где сенаторы, на «куральных», особых бронзовых креслах, – консулы. Подымается Цицерон как консул:

– Я задержал их – Лéntула, и Цетéга, катилинариев. И они мне признались, что намечали поджечь Рим, после убить двух консулов; плюс признали своими грамоты к галлам с просьбами поспешать в Рим с ордами – для того чтоб по-

мочь Катилине нас истребить. Неслыханно! Будто храм, где мы с вами, не был построен в честь прежних побед над галлами?! Трудно, трудно, сенаторы, отражать врагов в Сирии или в дальней Армении, но трудней – в самом Риме. Что же нам делать с Лéntулом и Цетéгом? Жду предложений.

Первым витийствует новоизбранный консул нового года:

– Горе нам! Нет порядка, словно мы в Африке либо в Скифии, а не в Риме законов! Днесь дошло до того почти, что у нас режут консулов и якшаются с галлами, а под Римом скопился сброд с Катилиной в роли стратега! Мразь Рима захватит? Мне быть зарезанным, как баран, отцы, через месяц в должности консула? Я – за высшую меру!

Все почти, хором:

– Высшая мера, высшая мера!

Цезарь, вставая:

– Дайте и мне сказать... – Он почёсывает лоб пальцем, смотрит в пол. – О, мужи, знаменитые, славные! Гнев негодный советчик. Ум человека слаб перед страстью и увлекается ею к бедам. Вспомним, сенаторы, что великие предки медлили с гневом, но размышляли. В дни Ганнибала, помните, когда жребий испытывал нас злосчастьем, Город думал о чести, не о желании отомстить. Хочу сказать, что на каждый проступок есть свой закон. Когда народ, что шумит близ храма, сходкой признаёт вины захваченных, мы осудим их на суде, прилюдно... Вон как шумит плебс; он недоволен. – Цезарь смолкает.

Слыша гвалт улицы, часть сената шагает к нему поспешно.

Цезарь опять ведёт:

– Страшно думать, сенаторы, о возможной войне в Италии, о *гражданской* войне, друзья: о поджогах домов, насилиях, о резне и о крови, гибели лучших и именитых. Так уже было: сколько лет минуло с дней побоищ и распрей Суллы и Мария, о каких все мы помним?.. Что я подумал: мы, коих знают в лицо, намерены проливать кровь римлян? Спросится с нас, с сената. Будущий консул: ты за их казни? Но почему, скажи, ты не просишь их высечь либо изгнать? Надеешься, что за смертью есть муки? Смерть – край без радостей и печалей, смерть есть бесчувствие, вечный отдых души. Выходит, ты их обрёк на отдых? Всё, что творим, отцы, мы творим в этой жизни, ибо за гробом жизнь невозможна. Так что ответ давать будем здесь *in corpore*! Вы страшитесь посечь их розгами, а на смерть отправляете, будто это законно? Ладно, казним их – завтра начнём хватать тех и этих? Гляньте: под Римом сброд Катилины. Кто мне поручится, что там нет присных Суллы, кои, нам следуя, будут сеять смерть самостоятельно, а не волей народа? Чем оправдаемся, если завтра нас, обвинив в тирании, тоже пошлют на казнь, вот как мы вознамерились умертвить сих граждан за преступления презумптивные; ведь никто из них не поджёг Рим и не убил пока никого. Пусть сядут в тюрьму до срока. И да не будет, что уподобимся древним деспотам! Всё решает народ!

Сенаторы устремляются к Цезарю и садятся вокруг на скамьи в поддержку, многие шепчутся. Цицерон в кресле консула растирает ладонью оба колена в явном испуге; он очень бледен. В двери напористо лезет чернь, крича:

– Лéntул, слава! Волю Цетéгу! Прочь сенат!! Всё решает народ на сходках!!

Рёв плебса издали:

– Хлеба! зрелищ!!

Цезарь с усмешкой молча садится.

Избранный консул нового года тихо бормочет:

– Цезарь, о казни речи не шло... Зачем?.. Я – о высшей, о *высшей* мере: о заключении!.. Да, клянусь тебе Марсом! Только об этом!..

Вновь Цицерон, растерянно:

– Если так, то я, консул... я... я... не против... Ибо гуманность, как и законность, – это основа всех наших действий...

– Римляне! – говорит Катон, кой сидит в одиночестве. – Призываю вас, кто дома свои и усадьбы ставили выше нужд государства, – хватит, очнитесь! Рим под угрозой. В том беда, что давно уже вещи в розни с их именем: человека зовёте богом, наглость – отвагою, расточительность – щедростью. Пусть. Живите. Жируйте. Будьте щедры за счёт войн и жульничеств, подражайте громилам и казнокрадам, жаждущие праздности. Но Катон вам не даст губить ради ваших пороков честных, пока ещё находящихся в Риме. О, лицемерные! На какой суд убийц оставите? Цезарь, может, на твой суд,

плут и растлитель, мот и обманщик? Правите за бессмертных богов? Нет, губите мир вокруг, претворяя в действительность всё, что лезет в ваш низменный изворотливый ум. Наделав бед, вы являетесь смерти с ношей злодейств, считая, что вас ждёт сон, бесчувствие, как сказал Юлий Цезарь? Вас ждёт ответ за зло. Вы за гробом ответите за любой ваш шаг. Так сдержите ваш норов, вспомнив о судьбах, вам предстоящих. Сей призыв был погубленным душам: ими вы были братья Катону. Слушайте довод, внятный преступникам, каковые вы есть сейчас. Вы боитесь отребья? Ладно, спасайте ради подонков всяческих извергов, поделитесь со швалью вашим имуществом, перестаньте учиться, дико вопите, точно бродяги, глядя на драки и гладиаторов, проводите в тавернах пьяные ночи, днём же валитесь в тень под деревьями да таскайтесь по Риму, нагло взыскуя хлеба и зрелищ. А не получите – к Катилине, что вас с мечом поведёт на Рим. Угождайте отребью, наглому плебсу, и обещаю вам: он, чью наглость уважите, завтра плюнет вам в лица, позже потребует ваших жён, отцы, позже, в злобе распнув вас, кинет Рим под ноги узурпатору. Вот чем дело закончится.

Цезарь кашляет, и приносят записку, кою он быстро прячет в кулак.

Катон ему:

– Если Цезарь решил спасти жизнь мятежников — бойтесь Цезаря, что на наших глазах, смотрю, сообщается с ними. Цезарь, читай вслух, что принесли.

– Безделица... Зря ты, друг...

Но Катон, пройдя к Цезарю, отнимает записку, в коей Сервилия, уподобивши Цезаря току «чистой амброзии», из которого хочет «пить, пить, пить», признаётся в любви к нему и «готова на всё, на всё!»

Катон мнёт письмо, продолжая: – Рим велик не оружием, но законом, но честью. Вспомните, как торкватов сын был казнён лишь за ту вину, что был храбрым настолько, что победил врага, не дождавшись приказа. Страшно судить зло? Я уделил бы доводам время, но его нет, отцы. Катилина под Городом, а внутри римских стен мятежники. Думать некогда. Мы казним заговорщиков по обычаю предков... Консулы, это воля сената! Будьте суровыми!

Цицерон кличет ликторов, но коллега по консульству отсылает их. Цицерон их опять зовёт, посмотрев на Катона.

Цезарь ярится: – Властность Катона невыносима. Я покидаю вас, ибо я против казни!

Вслед ему топают. – Трус, беги! Честь Катону, правнуку Цензора¹⁰!...

Позже, выйдя из храма, тот вопрошает: – Граждане, есть за мною проступки?

Толпы немедленно:

– Нет, Катон. Ты пугаешь безгрешностью.

– Вас упорство в безгрешности устрасит.

¹⁰ Марк Порций Катон Старший (Цензор), деятель Римской Республики. В 184 году до н. э. был выбран цензором. Строгость его цензуры славилась.

Всё тихнет.

— Я был за казни катилинариев, чтоб спасти государство. Толпы отшатываются, вскрикнув:

— Ты ужасаешь и в добродетели! Здесь бессилен суд человеков!

Гортензий, оратор азиатского стиля, в дневник

Прожил полвека. Что совершил? Что знаю? Я наизусть знаю Плавта, Энния, Пифагора, Платона, Анаксагора, Гракхов, Софокла. Был я и консулом, и усердным сенатором, но с тех пор как кричит Цицерон-профан, я почти отошёл от дел. Опрощение! В Рим пришло опрощение. Днесь любой равнодушен к принципам древности и приветствует виды мудрости новой, пресной, банальной и прагматической. Глас бессмертных богов, кой явлен нам в философии, и традиции значат меньше, чем ругань шлюхи, чем байки черни. Я в замешательстве: отчего каждой новой банде ровесников есть нужда громить кредо прежних ровесников и являть на свет зёрна собственной мысли с верой в их тучность? Так — когда Цицерон и сходные пустозвонят истошно, будто им ведомы корни истины, и внушают свои, бесспорные, дескать, веру, законность, нравственность, норму. Нет в них познаний, но в преизбытке самонадеянность...

Что ты судишь других? А сам ты, о, Квинт Гортензий? Я, если правил речь, опираясь на мудрость, видел холодность, непонимание, и тогда заводил о пошлом: сколько мер

золота у Лукулла, с кем была Клодия в праздник Вакха... Это я делал сорок лет риторства и потом нашёл в Цицероне себя, пустейшего, а в Катоне — великость, словно впитавшую суть богов и времён. Недаром он семя гениев, бюсты коих на Капитолии: там и Цензор — Стойкость и Нравственность, Благодетельство и Честность, Друз — Ум и Доблесть, Энний — Наитие, Дар Глагола и Чувство, славный наш Энний, родоначальник римской Евтерпы (Цензор привёз его из провинции). Их возвышенный дух устроил, дабы Катон вник в смыслы, то есть в понятия, коих нету в реальности. Он, лишённый отца и не помнивший мать свою, погрузился в абстракции, чем избегнул влияние плотских страстей. Как бы то ни было, он в итоге стал не вполне человек, а, — муза, где твоя помощь? — нечто подобное воплощению принципов. Если мы порождаемся для стремления к истине, чему движитель наш таинственный разум, боги послали миру Катона в качестве света в мраке пороков... Стройно поведано о Катоне, хоть я лукавлю, словно пропойца, выбравший вместо тирских вин с их изысканной тонкостью крепость вин итальянских. Ибо другим я занят и мучим...

Марция, я люблю тебя! Отчего ты жена титана? Я маюсь в мысли, что разорю его. Мы с тобой его грабим, ведь ты уйдёшь вот-вот от Катона. Но... мы опустим взор и свершим-таки кражу, ибо, когда ежедневно мы предаём богов, нам простительно изменить Катону. Что́ ему, хлад-

ному к человеческим чувствам, эти бездельцы?

В тёмной тоге Катон идёт сквозь толпу, у которой дубины в руках, и слышит:

– Стой! ты на смерть идёшь. Глянь, нас тысячи! Мы хотим дать Помпею полную власть, для того чтобы он, Помпей, дал нам хлеба и зрелищ. Прочь, Катон! При тебе в душах совесть. Совесть – обуза. Мы обменяем совесть на деньги. Знай, что нам проще убить тебя, чем терпеть её, совесть. Прочь, Катон!

Цезарь с Непотом на верху узкой лестницы окружённого стражей храма Сатурна молча кривятся, видя Катона. Стража, однако же, расступается, и Катон всходит вверх, сказав:

– Слаб, кто выставил войско против единого.

Он встаёт подле Непота. Тот кричит:

– Собрание! Обращаюсь к вам! Пусть народ решит, как желает. Вся власть народу! Он правит миром, что покорил ему полководец Помпей... Читать закон, дабы мы закон приняли!

Секретарь распрямляет свиток пергамента.

Но Катон произносит:

– Я запрещаю властью трибуна вам говорить...

Из цезарева памфлета «Анти-Катон»

В немыслимой злобе на человечество, он вставал против всех начинаний к благу квиритов. Он заявлялся, пом-

ним, на Форум, грязный, оборванный, с воспалёнными от вина и ночных бдений взорами, чтоб опять наложить знаменитое «вето», и мы шарахались, полнясь ужаса. С ним ходил пьяный раб с ведром, чтоб смывать с постаментов рвоту патрона, кой опирался на неподвижное при ходьбе на нетвёрдых тряских ногах. Чем дальше, тем нелюдимей он становился. Выгнав жену свою, он женился на мягкой, ласковой Марции, но растратил приданое доброй женичины и, брюхатую, продал Марцию консуляру Гортензию за сто тысяч денариев. Похоть он делил с сёстрами, о которых не стоит здесь говорить, клянусь, ибо их знают все. Домá его, как и зéмли, были в залоге. Римляне, из почтения к предкам, как-то послали его за казной на Кипр; но, украв миллионы, он спрятал опись кипрских сокровищ для оправдания. Боги вечные! Вот кто нам предстоял тогда в нашем рвении за народное благо!

...Нéпот торопит:

– Чтец, продолжай читать! Ибо, медля, ты оскорбляешь мужа победы, так и квиритов, провозгласивших данного мужа славным, славнейшим, даже великим. Здесь о Помпее речь!

Секретарь:

– Предложить закон о...

Катон:

– Чтец, молчи, велю! Вето властью трибуна!

Чернь возмущается:

– Сгинь, Катон! Нам кидают подачку, ты отнимаешь?!

Будь же ты проклят!! Ну-ка, читай, чтец, если уж взялся!

Вновь секретарь:

– ...принять закон и назначить Помпея консулом и...

Катон:

– Взять под стражу чтеца. Немедленно! Он свергает Республику!

Чернь беснуется и препятствует страже арестовать чтеца по приказу Катона. Непот, злясь, объявляет, выхватив свиток у уводимого:

– Гней Помпей, покоривший мир, ищет консульства. Он намерен помочь вам, обогатить вас. Я друг Помпея и я легат его. Я прочту закон, по которому он получит власть, для того чтоб кормить, развлекать вас, чтить вас, служить вам, ибо сокровища, им добытые в войнах, неимоверны. Несть им числа!

Опять Катон:

– Запрещаю читать, враг Рима!

Марция в тот же день – Гортензию

Не страшишься говорить с ним. Он милосердный, хоть с виду каменный. Я тебя так люблю, о, Квинт, что готова уйти к тебе вместе с чадом под сердцем, что от него...

Запуталась. Не могу без тебя, любовь, — не смогу и с тобой, если Катона нужно обманывать. Он святой. Объяс-

*нись с ним... Нет, мы вдвоём ему скажем; и всё устроится.
Поспешим! Я, Марция.*

...Нéпот, тихо:

– Зануда... – и после громко: – Римляне, я прочту: «За подвиги и свершения ради чести и славы Вечного Рима, Магну Помпею да предоставлено будет консульство...»

Но Катон отнимает текст, и чернь лезет вперёд, ярясь:

– Обираешь нас?! Мы – не как ты богатые! Отдаём голоса за деньги. Прочь! Мы убьём тебя! Цезарь, эй, арестуй его! Ты наш претор!!

Нéпот:

– Не стоит. К чёрту Катона! Я текст запомнил. Надо назначить Магна Помпея неограниченным в полномочиях, пусть наводит порядок. Также, квириды, наш славный Цезарь, щедрый и добрый наш претор Цезарь завтра устроит вам...

Но Катон заслоняет Нéпота тряпкой.

Цезарь, шагнув вперёд: – Этот римский тиран отнимает у граждан даже и голос, с ним же – достоинство, привилегии!

Нéпот, вырвавшись:

– Помогите, сограждане!

Чернь, сваливши Катона, бьёт его с воплем.

Консул, прибывший к месту комиций, громко взывает:

– Консульской властью велю: уймитесь, да не свершится смерть!!

Сброд не слышит.

Клодий – Цезарю

От жены я избавлю тебя хоть завтра. Как? Заберусь в твой дом ночью, там наши дуры празднуют требы Доброй богини; сделаю так причём, чтоб нас видели. Ты подашь на развод; готово. Но на суде не жалею подачек, чтоб меня оправдать, хлыщ! Я не Сервилий Рулл, чтоб сносить твои трюки. Ноги повырву! В общем, ты знаешь: кто бы ты ни был, я над тобой всегда. Так судил нам Эрот, царица... Что же до Юлии, твоей дочки, – быть ей с Помпеем. Дело улажено. Получив анонимки, чванный ревнивец выслал немедленно в Рим разводную бывшей супруге: он почти «царь» у нас, он Помпей и вдобавок он «Магн»¹¹, прикинь, а жена – «распутна».

...Тога Катона в пятнах от крови. Рядом с колонны каркает ворон. Чернь быстро пятится, оставляя след. Шёпот:

– Дышит? Не дышит?.. Надо бы лекаря...

Но Катон привстаёт пророча:

– Вето! Помпею не быть царём! Я велю коноводов торгова свободы – Цезаря с Непотом – взять под стражу немедленно. Цезарь с Непотом в ярости. Сброд беснуется:

– Ты, Катон, победил! Из ртов наших вырвал хлеб – что ты дал нам взамен, Катон? Объясни!

¹¹ То есть «Великий».

– Свободу.

В сумерках он уходит к Тибру умыться. В миртовой роще слышится визг, шум драки... вскоре является человек, что падает, стонет, грязный от пыли.

– Клодия! – слышны жалобы. – Ты убила Катулла, он чахнет сердцем. Дворник, не тронь его до утра, прошу, чтобы лживой сказали о его смерти; пусть навестит труп, пусть пожалеет, может, поплачет... Клодия, правда, плакать не будет. Там, в тьме Аида, он бродит тенью – Клодию кроет в мире живущих кто ни захочет... Чахну я, и душа, как мак, покалеченный плугом, вянет...

Это Катулл¹², признаёт Катон и подходит к поэту.

– Души бессмертны, а для бессмертных нет безысходности, Гай Катулл.

Приподнявшись, тот фыркает: – Ты, Катон? Наш суровый Катон? Конечно, ты... Что ты знаешь о душах? Ха! Твой дух твёрже скал Капитолия и безжизненной, чем пустыня ливийская. Ты меня, что ли, учишь? Прочь, трибун! Голоси перед чернью, сходно как Цезарь да Цицеронишка. А Катулла оставь! брось, бедного, умирать в грязи, ибо дух его изгнан был из прекрасного дома, дивной храмины с именем Клодия... Про Катулла одно знай, славный трибун: он дрался здесь, в гуще миртов; он из кустов выгнал парня с девкой. Пара – представь-ка! – мнила слобиться, мысля, что знает

¹² Гай Валерий Катулл (ок. 87 – ок. 54), поэт Древнего Рима.

сущность Амура. Что за наивность?.. Он помешал им, двум святотатцам, за поношение страсти любовной! Кроме Катулла, кто любовь знает? Ты вот – не знаешь. Понял, наставник Римской державы, друг Катон?

Тот смеётся, сжав рану.

Встав и коснувшись тоги Катона, чувствуя липкость крови на пальцах, пьяный поэт подымает взор, а Катон кличет жителей ближних местных лачуг, чтоб несли осовелого и оборванного поэта.

Жители:

– Марк Катон! Ты пролил свою кровь, трибун, чтоб светила луна влюблённым в Риме свободы!

Пьяный Катулл болтает:

– Друг! Я мальчишку накрыл с девчонкой! плетью взгрел святотатцев... Понял, друг? Смейся! Случай занятный. Смейся, Катон, друг, смейся! Я на тебя не дуюсь. Я тебя уважаю, сильно!.. – Вскоре он падает на носилки и засыпает.

Из цезарева памфлета «Анти-Катон»

*Квириты! Преданность правде – сильный возждь. Мы, когда хоронили дочь нашу Юлию и народ сокрушался с нами едино, тем исполняли чин благочестия, составляющий принцип римского духа. Мы говорили скорбные речи, и люд от-
ветствовал горьким стоном, тем выражая нужды смятен-
ных выказать оторопь перед таинством смерти. Мы ми-
лосердны, великодушны. Нам ли сравняться с Марком Ка-*

тоном, извергом сердцем, кой, услышав, что его брат болен, мигом спешит к нему, бросив службу, чтоб, полумёртвого, обязать к заветничанью в свою пользу и умертвить его, а когда погребальный костёр угаснет, с палкой расхаживать, вороша прах в поисках перстней и украшений, в кои обряжен труп...

Он сын тьмы. Он преступник, деспот, убийца. Он душегуб, злой выродок. Так что если бы не бессмертные боги и не мы сам, ваш Цезарь, он захватил бы власть и назвал бы ночь – днём, день – ночью, чтоб под покровом тьмы бить людей и насиловать. Мы лишились бы жён своих, ибо мало Катону было насилий: он убивал живых! Ненавидел он всё вокруг, кроме пьянства, безделья, споров философов и Мунатия, его друга-наложника, ради скотских приятств.

Поэтому он и шёл всегда против римлян, против народа, что бы ни делал, – шёл, пока не вели в тюрьму, не смиряли либо же силой не прогоняли; вина пил до беспамятства; словоблудил в сенате невразумительно и с ослиным упрямством целыми днями; братоубийствам всяко способствовал, тешась видами смерти; сам же, трус, не сражался ни часу, разве что в юности, сберегаясь, наверное, ради трона царя. [Несдержанность и озлобленность объясняются следствием, что Катон по избрании Цезаря «вечным римским диктатором» стал метафорой падшей Римской Республики].

...Возле дома Катона ждут близкие и друзья; раб-лекарь

его бинтует. В конце концов все расходятся; остаются Гортензий, бывший оратор и консуляр, Катулл, кой пришёл в себя и опять пьёт вино, и грузная, на сносях уже, Марция в синей стóле из шерсти.

Зыбко и мрачно пламя светильников.

Начинает Катон:

– Спасибо вам... Ты, преславный Гортензий, завтра, я слышал, будешь защитником на суде; ты, Марция, носишь милое бремя, – но не ухóдите. Мните, раны Катона тронули дух его? Вы хотите помочь мне? Даже мой друг ушёл, благородный Мунатий, знающий точно: я постоянен; стоек, вынослив, нет ран и горестей, что заставят Катона хоть ненадолго повиноваться злу. Берегите же силы и не давайте их в долг тому, кто и сам вам подмога в случае бед.

Гортензий:

– О, Катон! Как посмел бы плющ подпирать мощь дуба? Мне бы молчать в сей день, когда ты спас отечество. Но я слаб отчего-то именно в этот день... Припадаю к стопам твоим... И, дабы стать причастным... нет, я не смею... жажду союза... Дочь твоя Порция... – Он смолкает и никнет.

Близ него Марция начинает:

– Он не решается. Я скажу. Я, жена твоя, я люблю его. А тебя... не люблю, прости. Ты мне кажешься богом. Боги не любят немощных смертных. Ты не нуждаешься, муж мой, в помощи или в женской любви. Я, жалкая, не могу без тепла, без нежности. Дай, молю, мне развод, супруг.

И Гортензий:

– Развод, Катон! Мой великий друг!

Тот отходит потупясь.

Пьяный Катулл бормочет:

– Жизни луч погаснет краткой – беспробудной ночи ждёт нас темень. Да, Катон?

– Ложь, – твердит тот. – Иллюзия. Темень временна. Я от жизни и света верный свидетель, что они вечны. Нет безысходности! Ждут меня свет и жизнь в конце... Отпускаю вас, Квинт и Марция, будьте счастливы. И запомните, что Катон вам верен.

Помпей Магн — Катону через Мунатия

Шлю привет тебе, подтверждая Мунатия, что, желая родства, взял бы дочь твою старшую, ну, а младшую – в жёны сыну. Также тебе, Катон, будь ты холост, дам в жёны тётку, ей девятнадцать.

Честь тебе! И честь мне, Катон! Рим не знал полководца лучше Помпея и гражданина лучше Катона. Наш союз ценен и продуктивен. Плебс меня любит, это известно. Много дней я справлял триумф действий в Азии. Это третий триумф; а первый – за Африку, а второй – за успехи в южной Европе. Я, таким образом, покорил мир без малого. Меня любит народ, признай; ты — любимец богов, сенаторов. Если я был бы консул, ты – мой коллега, мы с тобой много в Риме бы сделали. В общем, надобно, чтоб сенат утвердил,

что предпринял я в Азии, и ещё наделил землёй моих верных солдат, Катон. Будь здоров.

Цезарь – Клодию из Испаний, куда выехал как наместник

Нам не грозит ничто. Пакт Катона с Помпеем невероятен, ибо Катон не продаст себя. Но – внимание!

Цицерон – Катону

*Слушай, достойнейший из людей! Скажу тебе, что Помпей обожает славу невиданно, но в политике и в общении с плебсом он как дитя... И, главное, если вы породнитесь, будет возможность реализовывать философию, воплощать идеалы в римском нечестии. О, я знаю Помпея! Я защищал его на судах; он скромнен и склонен к доброму. Удостоенный званья «*Parens Patriae*»¹³, друг, с твоей помощью за решимость в дни Катилины, я и тебя вознесу наверх. Породнись же с ним!*

Цицерон в тот же день – другу Аттику

В Риме столько событий! Будь я болтлив, как рот, не успел бы сказать всего. Ты представь Александра¹⁴, Магна Помпея, это во-первых: завоевать мир, дабы, вернувшись, сделаться пешкой! бегать просителем за сенатской эли-

¹³ «Отец Отечества».

¹⁴ Так называли Помпея, сравнивая его в шутку с Александром Македонским.

той! Консульства не дали, утвердить азиатский план отказались, но и проект наделения ветеранов землёй отвергли. Кто же преступные дураки? Кто? Красс, Лукулл и Марцелл. Катон ещё... Ладно, первых мы знаем с их скудоумием и надутым тщеславием знатных нобилей. Но Катону не ясно, я вопрошаю, что без поддержки честность не выдержит натиск пагуб? Что бы смириться ради победы? Нет. Бесполезно. Видишь Катона – и словно чувствуешь, что встают перед взором снежные Альпы с надписью, что нельзя служить одновременно двум. Конечно, был бы он мягче – не был бы Марк Катон, нам известный. Только, в конце концов, мы не пьесу затеяли, где Порок душит Праведность, а она отбивается. Тот и та – вне действительной жизни, коя вокруг нас. Глупы бывают некие лица с их театральной односторонностью. Я гляжу в себя, в Цицерона, – сложен бесспорно: непостоянен, амбициозен, вспыльчив, изменчив, но и толков, начитан, смел, добродетелен! Посмотрю на Катона – голая Правда без тени фальши, Правда с Упрямством. Боги бессмертные! Вник ли он, что живёт не в платоновых домыслах, а с подонками Ромула?!

Всё, молчу. Это тема, где я теряюсь, — впрочем, как Цезарь. Умный, расчётливый, осмотрительный Цезарь тоже не знает, как быть с Катоном. Цезарь уехал грабить Испании в ранге претора, чтоб покрыть баснословный долг и сорвать куш для будущих подкупов, ведь ему надо в консулы.

Кстати, Клодия привлекли-таки в суд, скота, за его свя-

тотатства и за интрижку с жёнушкой Цезаря, кой отправил прошение на развод немедленно; ищет выгодных браков: может, с Помпеем? Мне бы сидеть, молчать, но супруга, Теренция, – в пиках с Клодием, и я должен его обвинять в суде, а ведь он мне приятель... Чуть не забыл, прости: как, пришла ли в твоё захоlustье весть, что Катон дал развод жене? Ах, Катон, неужели ты слаб, как мы? Возжелал породниться с сильными мира, то есть с Помпеем?

Красс, богатейший сенатор, – Цезарю

Чтоб ты отбыл на должность, я поручился кругленькой суммой перед твоими заимодавцами. Ты теперь там наместник? Грабишь Испанию? Возврати-ка мне деньги, Цезарь, скорей, пока есть где брать. Коль Катон и Помпей сойдутся, большие не дам за тебя монетки. Все мои деньги, как и твой шарм, будут мало что значить.

Катон – другу Мунатию

– Передай, что Катона не взять соблазном и что Катон станет другом Магна, если Магн станет добрым, честным. Дружба их будет крепче родства.

Цезарь – Клодию из Испаний

Мы победили. Марк Катон и Помпей в разладе. Так что за дело! Будь за Помпея, капай мёд в уши римскому быдлу. Милый, любимый! Мой...

Помпей, выгнав Мунатия, кто был прислан Катонем, нервно бормочет: – Он отказал?! *Помпею*, кто был народом назван Великим?! *Магну Помпею*?!! Он что, не понял?! Стоит мне топнуть – в Рим приползёт на коленях вся знать вселенной!!! Вздумай жениться – мне будут рады все семьи Рима, все-все матроны!!! – Он подымает критскую вазу, чтобы швырнуть её. Не решаась, ставит вазу на место. – Вдруг он не понял, что породниться с ним предлагал я, МАГН?!!

Льстецы:

– Ты был должен, вернувшись, не распускать войска после славной войны, а идти на Рим, и сейчас ты бы был диктатором. Ты бы всех их казнил, Помпей: и катонов и крассов! Славься!!

Щерясь, Помпей, зло:

– Я их казнил бы! Всех скопом сразу!!! Не понимают добрых подходов! Им всем по нраву, если их быют?! Пусть знают: я, распустив солдат, был унижен! Впредь буду умным, не распушу рать! Живо почувствуют, кто такой Помпей Магн, бог плебса!

Льстец:

– О, Великий!! Плебс тебя любит! Ты лучший воин! И ты богат, богат! Ты меч Рима! Ты исключителен!

Помпей, хмуро:

– Катон... Он кто?! Отказал породниться... Я как мальчишка... Я опозорюсь перед солдатами, каковым сулил зем-

лю, и перед странами, что захватывал, коль в сенате отменят все мои планы, там утверждённые. Но и Рим засмеёт меня, покорителя мира, ставшего как простой гражданин.

Льстецы:

— Подкупай их, чернь и ораторов! Яви милость к ним, покажи благосклонность! Все придут под сень звёзд твоих и богатства и силы! Да, подкупи Рим, Город продажный и развращённый, — и он падёт ниц!!

Надписи на зданиях близ Форума

Эй, Помпей, где награды за войны? Мир покорил тебе твой наложник Деметрий, коему даришь виллы?

Магн-Болтун-Балабол-Брехун!

Клали, двигали мы «Великих»!

В дырку Помпея мы поймеем!

Цезарь – тайно – Помпею Великому из Испаний

Я, читатель римского Александра, чувствую зависть перед величием дел твоих и досаду на чванство римских магнатов по отношению к лучшему воину всех времён и народов. Я, как патриций линии Юлиев от богини Венеры; я, бывший претор и даровитый римский оратор, рад был бы видеть дочь мою Юлию за кумиром Республики. Предоставлю себя, и друзей моих, все ресурсы и средства в распоряжение столь великого зятя, кой образец мой в бранном искусстве, ибо не так давно за победы в Испаниях получил я, волей сол-

дат моих, императорский титул.

Цезарь, пропретор и император, друг исполина воинской славы.

Клодий, ораторствуя с помоста перед толпою, резко кричит:

– Что́ дал сенат, кроме жалкой подачки, брошенной в виде хлебных раздач? Что́, други? Или Республику не возвысил, не накормил Помпей и Республика нищая? Рим стал центром земли, мы знаем, деньги текут в Рим; также на каждого из сограждан – сотни подвластных. Но благородный народ наш нищ! Катон-брюзга, его свора в сенате и Цицерон-трепач всё протратили. Цицерон-пёс судил меня, когда я был застигнут с жёнушкой Цезаря в его доме на требох Доброй богини... – Клодий подмигивает. – Блеск баба! пряная!.. Хотя Цезарь признал при всех, что я чистый. Как же иначе? Чтобы наш Цезарь не поделился всем, что имеет (смех)?! Да скажи кто: Цезарь прижимист, – в зад того (смех и гогот)! Я самый-самый что ни на есть народ. По рождению *Клавдий*, как мои родичи, что зевают в сенате, сделался *Клодием*, чтобы стать ближе к вам, народ. А сестра стала *Клодией*, римской шлюхой. Мы ваши оба, – и Клодий хмыкает, – в меру ваших возможностей (буря хохота). Ибо мы продаёмся только за деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.